

אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

GENESIS
PHILANTHROPY
GROUP

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ДИББУК

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

Источники к курсу медленного чтения
Александры Полян и Марии Каспиной
Часть 4

Москва
декабрь 2019 г.
проект «Эшколот»
www.eshkolot.ru

Как устроен рай

Ицик Мангер (1901-1969)

«Книга рая. Удивительное жизнеописание Шмуэл-Абы Аберво» (1938)

(пер. И. Булатовского и В. Дымшица)

«Сама по себе «Книга рая» — это первая часть задуманной трилогии. «Книга Земли» и «Книга хаоса», может быть, еще будут написаны...»

Ицик Мангер. Книга рая. Несколько слов для начала.

I. Мой последний день в раю

Время, что я провел в раю, было самым лучшим в моей жизни. До сих пор у меня сжимается сердце и выступают слезы, когда я вспоминаю об этом счастливом времени.

Часто я закрываю глаза и вновь проживаю те блаженные годы. Годы, что уже не вернутся. Разве что когда придет Мессия.

Замечтавшись, я забываю, что мне отрезали крылья, прежде чем послать в иной мир. Я раскидываю руки и пробую взлететь. И только упав на землю и почувствовав боль пониже спины, вспоминаю, что все кончено, что крыльями обладают только райские создания.

Вот поэтому я и решил описать все, что со мной произошло как до, так и после моего рождения. И хочу я все это описать не для забавы маловеров, но для собственного утешения. Я знаю, многие люди, на разных языках, описывали свою жизнь. Сам я прочел, наверное, сотню таких жизнеописаний, и, честно говоря, меня от них тошнит. На каждом шагу я чую голос человеческого тщеславия, а главное — лжи. Лжи, которая чернит других, а себя рисует розовой краской. Такие жизнеописания всего-навсего вздор, и нужны они для того, чтобы обмануть дурака, который в них поверит, а главное — самого жизнеописателя.

Я же хочу рассказать все так, как было. Ни на волос не отступлю. Никого не хочу убеждать в том, что я истинный праведник. Боже упаси! Были у меня и ошибки, и добрые дела. В ошибках покаюсь, а о добрых делах расскажу в точности: как, что и когда.

Знаю, многие меня спросят: разве можно в точности помнить, что было до рождения? Они, эти скептики, приведут доказательства, что нет, нельзя. Всем известно: прежде чем человеку родиться, приходит ангел и дает ему щелчок по носу, и от этого щелчка человек сразу же забывает все, что с ним было, даже Тору, которую он учил с ангелом, прежде чем попасть в грешный мир.

И те, кто утверждает это, будут правы. Это и в самом деле так. Такое случается со всяким, прежде чем он придет в этот мир. Ангел и вправду каждого щелкает по носу, и каждый все забывает. Но со мной случилось чудо, удивительное чудо. И об этом чуде я расскажу прежде всего, а то люди станут шептать друг другу на ухо, что, мол, Шмуэл-Аба Аберво чушь порет, лапшу на уши вешает.

В тот день, когда меня отдали в распоряжение ангела, который должен был спровести меня на землю, я сидел под райским деревом и наслаждался пением канареек¹, а пели они как по нотам. Кстати, должен вам сказать, что, по сравнению с райскими канарейками, земные — ноль без палочки. Во-первых, райские канарейки в двадцать раз крупнее, а уж петь-то поют они так, что никаким человеческим языком описать невозможно. Нужно их слышать своими ушами, чтобы понять разницу.

Наступали сумерки. Геморе-меламед реб Меир-пархатый, ангел с тяжелыми темно-серыми крыльями, ушел на вечернюю молитву в ангельский клоуз, а ученики тем временем разбежались кто куда. Одни играли в классики, другие рассказывали истории о разбойниках. Я полетел к своему любимому райскому дереву слушать канареек.

Каюсь, пение райских канареек было тогда моей самой большой слабостью. Когда они пели, я забывал обо всем на свете.

Так вот, лежу я под райским деревом. Канарейки поют, большие бабочки порхают над райской травой, в пятнашки играют. Когда я говорю о райских бабочках, не думайте, что это те бабочки, которых вы привыкли видеть летом. Если вы так подумали, то сильно ошиблись. Райские бабочки в девятнадцать раз больше земных, и все разного цвета: синие, зеленые, красные, белые, черные... Короче, как можно перечислить все цвета, если в человеческом языке нет стольких слов, сколько красок есть в раю?

Лежу я себе под деревом и вдруг слышу голос, знакомый голос, который звенит как серебряный колокольчик:

— Шмуэл-Аба! Шмуэл-Аба!

Я оглядываюсь и вижу моего друга Писунчика — ангела-озорника с умными черными глазами. Рот у него, как всегда, вымазан повидлом. Он порхает надо мной на своих тонких светлых крыльях. И вот опускается у моих ног.

¹ ...я сидел под райским деревом и наслаждался пением канареек... — Родина канареек, Канарские острова, иногда ассоциировались с Элизием, страной блаженных из древнегреческой мифологии. Соответственно, канарейка — райская птица.

— Что, Писунчик? Что случилось? Говори скорее, не тяни душу!

Писунчик вытирает пот под крыльями и шепчет мне на ухо:

— Плохи дела, Шмуэл-Аба. Тебя сегодня выпроводят на землю. Тебе суждено стать человеком. Понимаешь, что тебе говорят? Человеком!

Сердце у меня забилося: тук-тук-тук.

— Что ты такое говоришь, Писунчик? Кто тебе это сказал? Откуда ты знаешь?

И Писунчик рассказал мне, как он только что пролетал мимо райского шинка «У праведника Ноя»², а в шинке сидел ангел Шимен-Бер, первый пьяница среди ангелов.

— Он пил чистый спирт и крыл кого-то последними словами, кого — не знаю, но я понял, что он в ярости. Он должен спровадить тебя на землю: дать щелчок по носу, чтобы ты забыл все: рай, Тору, которую ты учил, и меня, твоего друга Писунчика.

И Писунчик расплакался. Его слезы капали мне на правую руку. Они были крупными и горячими.

От этих слез и я готов был заплакать. Я погладил Писунчика по голове и попробовал его утешить:

— Не плачь, Писунчик, мало ли что пьяный ангел наболтает в шинке. Мы еще поглядим, как он меня поймает. Да я его рыжую бороду повыдеру. Да я ему рожу расцарапаю. Да я его красный нос откушу, чтоб мне провалиться!

Но Писунчик не мог успокоиться. Он зарыдал:

— Ты что, не знаешь, какой злодей этот Шимен-Бер? Настоящий убийца!

Я знал, что Писунчик говорит правду. Перед ангелом Шимен-Бером все дрожат. Он почти не бывает трезвым. Попастся ему в лапы хуже, чем в ад угодить. И его-то назначили выпроваживать детей, которым должно родиться, и он-то должен давать им пресловутый щелчок по носу.

Я задрожал как осиновый лист. Я представил себе, как этот пьяница тащит меня за руку. А ведь если не пойдешь по-хорошему, понесет на спине. И вот мы стоим у границы рая. Я слышу пьяный голос ангела: «Подставляй нюни, приятель, дам-ка я тебе щелчка, и пошел вон!»³

Этого щелчка все боятся, получить его страшнее, чем родиться на земле. Своим щелчком этот пьяница уже не одного ребенка искалечил. Если на земле вам попадется курносый ребенок, знайте: это у него от слишком сильного щелчка ангела Шимен-Бера.

² Шинок «У праведника Ноя». — Ною, как известно, приписывается изобретение виноградарства, виноделия и пьянства.

³ Здесь и далее слова, выделенные курсивом, в оригинале приведены по-русски или по-немецки, но в еврейской графике.

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

— И что же делать, Писунчик? Посоветуй, что делать? — взмолился я.

— Ничего нельзя поделывать, — грустно ответил Писунчик. — Твоя судьба решена: чему быть, того не миновать. Из рук Шимен-Бера тебе не выкрутиться, будь ты хоть о семи головах. Я думаю, будет лучше, если ты...

— Что? Что? — спросил я и заглянул Писунчику в глаза.

— Если ты пойдешь по-хорошему, не станешь упираться. И не станешь плакать. Шимен-Бер терпеть не может, когда упираются и плачут. Будешь плакать, даст такого щелчка, что ты, не дай Бог, вообще без носа родишься. Хорош ты будешь! Чтoб ему самому так!

Со слов Писунчика я понял, что никуда мне от Шимен-Бера не деться. Пока Писунчик говорил, я все время держался за свой несчастный нос, жалея его от всего сердца и моля Всевышнего, чтобы Он его спас и сохранил.

Пока я творил тихую молитву Всевышнему, чтобы Он спас и сохранил мой нос от грозящей опасности, Писунчик сидел рядом со мной на траве, приставив палец ко лбу и о чем-то размышляя.

Вдруг его умные черные глаза сверкнули. Обычно, когда Писунчик что-нибудь придумывает, глаза его начинают блестеть.

— Знаешь, что я тебе скажу, Шмуэл-Аба?

— Что, Писунчик?

Он посмотрел по сторонам, не подслушивает ли кто, и зашептал мне на ухо:

— У нас в погребке есть бутылка «Праведного марочного»⁴, папа держит ее на случай, если кто-нибудь заболееет. Эту бутылку я дам тебе в дорогу.

— Что значит — дашь бутылку в дорогу, — удивился я, — она же ваша. И на что она мне сдалась?

Писунчик ухмыльнулся:

— Я вижу, тебе все надо разжевывать. Неужели не понятно? Ты дашь бутылку ангелу Шимен-Беру, он будет просто счастлив и, может статься, не слишком сильно щелкнет тебя по носу.

— Что ты говоришь, Писунчик? — чуть не закричал я. — Ты собираешься украсть? А как же «не укради»?

— Дубина стоеросовая, ты разве не знаешь, что «не укради» — для людей, а не для ангелов? А ну-ка покажи мне, где в Торе написано, что Всевышний заповедал ангелам «не укради»?! Ну, где? У Моисея на бороде?

⁴ Бутылка «Праведного марочного». — В оригинале сказано о «яин а-мешумер» — «вине сохраненном», то есть вине, которое с шестого дня творения сохраняется для пира праведников в мессианские времена. Переводчики позволили себе некоторую вольность.

Я увидел, что мой друг умнее меня и что он прав, но всего еще не понял. Ну, предположим, дам я ангелу Шимен-Беру бутылку «Праведного марочного», ну, щелкнет он меня по носу не сильно, но ведь все-таки щелкнет, и, как только щелкнет, мне придется забыть все, что со мной было в раю, а это как раз огорчало меня больше всего.

Наверное, Писунчик понял, о чем я думаю. Он вытащил из кармана кусок глины и довольно долго мял его в руках, пока не вылепил нос, который и протянул мне со словами:

— Пока Шимен-Бер будет пить «Праведное марочное», ты прилепишь себе глиняный нос. Шимен-Бер щелкнет, попадет по глине, и ты уцелеешь. Помни все и смотри не забудь рассказать на земле, что есть в раю такой ангел Писунчик.

Он поднялся, расправил крылья и громко сказал:

— Полетели! Шимен-Бер скоро будет тебя искать. Будет лучше, если ты сам к нему явишься. А по дороге залетим ко мне домой.

Мы полетели. Это был мой последний полет по раю вместе с моим другом.

Недолго он длился. Мы остановились перед домом, где жил папа Писунчика, портной Шлойме-Залмен, ангел с большим кадыком и телячьими глазами.

На стене висела вывеска, на которой был нарисован ангел с заплатанными крыльями. Это значило, что папа Писунчика — латальщик, чинит ангелам поношенные крылья.

Писунчик зашел в дом, а я остался ждать на улице. Вскоре он вернулся с бутылкой «Праведного марочного» под крылом.

Писунчик отдал мне бутылку и сказал:

— На, держи, Шмуэл-Аба, и скорей лети в шинок «У праведника Ноя»! Лучше, если ты явишься к Шимен-Беру прежде, чем он явится за тобой.

Мы расцеловались и обнялись, снова расцеловались и снова обнялись, и кто знает, сколько бы еще мы так простояли, если бы мама Писунчика, ангелица Хана-Двойра, не позвала из окна:

— Писунчик, тефтельки остынут, иди кушать!

Мы снова расцеловались и похлопали друг друга крыльями. Писунчик пошел домой ужинать, и мне пришлось лететь одному в сторону шинка «У праведника Ноя».

В раю уже совсем стемнело. В домах, где жили ангелы со своими семьями, зажгли лампы. Бородатые ангелы уставились в пожелтевшие страницы. Толстые ангелицы с тройными подбородками штопали рубашки. Молодые ангелицы качали колыбели, баюкая новорожденных ангелочков:

Спи, мой милый ангелочек,

Спи, мой маленький сыночек,

Свои крылышки сложи

И под щечку положи.

Ой, лю-лю...

По дороге я заглядывал то в одно, то в другое окно и страшно завидовал всем ангелам, и маленьким и взрослым. Они проспят эту ночь и с утра снова проснутся в раю. А я? Где буду я? Хорошо, что ветер остудил мою слезу, а то она прожгла бы мне дырку в щеке.

Перед шинком «У праведника Ноя» я остановился. В окошко я увидел несколько простых ангелов, из тех, что батрачат на праведников, пашут землю, сеют, жнут, да только грыжу наживают. Они сидели за столами, пили водку, курили махорку и сквозь зубы сплевывали на пол.

В стороне, за отдельным столиком, сидел ангел Шимен-Бер: рыжая борода всклокочена, глаза мутные. Похоже, он уже здорово надрался. Когда я его увидел, сердце у меня затрепыхалось от страха. Вот кто вышвырнет меня из рая, думал я, никак не решаюсь войти.

Долго я стоял как вкопанный, пока не набрался смелости. Это должно когда-нибудь случиться, сказал я себе, и вошел.

Как только я вошел, Шимен-Бер попытался встать и сказать «ждем — не дождемся». Но он был так пьян, а его крылья так измяты, что он рухнул обратно.

Я подошел к нему и помог расправить помявшиеся крылья. Не держится на ногах, пусть хоть на крыльях держится. Вскоре мы уже летели к границе, которая отделяет тот свет от этого.

Вылетели мы в четверг, в десять вечера, а к границе подлетели в пятницу, перед самым благословением свечей⁵.

Не думайте, что перелет дался нам легко. Как я уже говорил, ангел Шимен-Бер был крепко пьян. Он все время сбивался с пути. Через три часа полета мы снова увидели трубу шинка «У праведника Ноя». Тянуло Шимен-Бера к этому шинку, где он дневал и ночевал.

С нами даже чуть-чуть авария не случилась. Ночь в раю была темной, беззвездной. Шимен-Бер забыл фонарь в шинке, мы летели вслепую и понятия не имели, где находимся.

В темноте Шимен-Бер столкнулся с другим ангелом. Это был ангел сновидений, который направлялся на землю. От столкновения у ангела сновидений сломалось крыло. Шимен-Бер стал ругаться, ангел сновидений плакать: теперь он не может

⁵ ...в пятницу перед самым благословением свечей. — Еврейская женщина начинает субботу, произнося благословение над зажженными в честь праздника свечами.

лететь дальше, и люди в эту ночь не увидят снов. На одном крыле поковылял он к портному Шлойме-Залмену, чтобы тот починил ему сломанное крыло, а мы, то есть Шимен-Бер и я, отправились дальше своей дорогой.

После столкновения мой Шимен-Бер немного протрезвел. Он вытащил трубку, набил ее махоркой, чиркнул спичкой и полетел, попыхивая. При каждой затяжке становилось немного светлее, и мы хоть иногда видели, куда летим.

Мы пролетели райскую мельницу: она стоит на холме, открытая всем ветрам, чтобы они могли кружить ее крылья.

Об этой мельнице в раю всякое рассказывают. Мол, днем она мельница как мельница. Мелет пшеницу и рожь, как все мельницы. А ночью это притон чертей и всяких бесов.

Знаю, вы посмотрите на меня с удивлением: откуда в раю черти? Я и сам удивился, когда мне рассказали об этом. А рассказал мне об этом мой друг Писунчик. Сам я отродясь чертей не видел, но любой ангел вам расскажет, как архангел Рафаил, райский фельдшер⁶, летел однажды ночью к больному. Пролетая мимо райской мельницы, он услышал странные голоса. И вдруг увидел длиннющий язык, который черт высунул из слухового окошка. Архангел Рафаил вскрикнул «Шма Исроэл»⁷ и упал в обморок.

Его нашли на следующий день лежащим у мельницы и с трудом привели в чувство. С тех пор он не в себе и так заикается, что смотреть жалко.

Мы, то есть Шимен-Бер и я, полетели дальше, не говоря ни слова. О чем думал Шимен-Бер, не могу вам сказать. Откуда мне было знать? А что я сам думал и чувствовал, это, как видите, я помню очень даже хорошо.

Я думал о моем друге Писунчике, который спит сейчас в своей кровати. Он раскрылся, ногами сбросил с себя одеяло на пол. Он озорник, какого свет не видел, даже когда спит. Он сосет палец. Кто знает, может, Писунчику снюсь я, его друг, с которым он сегодня расстался навсегда.

Мне захотелось плакать. Слезы стояли у меня в горле. Но я помнил, что ангел Шимен-Бер терпеть не может слез, и сдержался, только тихонько вздохнул.

⁶ *Архангел Рафаил, райский фельдшер.* — Рафаил — имя одного из архангелов. Так как это имя значит «Исцеление Божье», то часто упоминается в амулетах и заклинаниях от болезней и очень подходит для медицинского работника.

⁷ *Пролетая мимо райской мельницы, он... увидел длиннющий язык, который черт высунул из слухового окошка. Архангел Рафаил вскрикнул «Шма Исроэл»...* — Мельница в еврейском (так же как в славянском, немецком и т. д.) фольклоре — приют нечистой силы.

Длинный язык — отличительный признак лантеха. Лантех — что-то вроде черта, но не злого, а проказливого и склонного к мелкому хулиганству. Лантех берет иногда на себя функции водяного или лешего: норовит столкнуть путника с моста или сбить с дороги в лесу. Если ему это удается, то он громко и счастливо хохочет.

Произнесение стиха «Шма Исроэл» («Слушай, Израиль») (см. глоссарий, «Кришме») — лучшее средство от нечистой силы.

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

К рассвету Шимен-Бер протрезвел. Дул резкий, холодный утренний ветер. Мы оба дрожали. У меня зуб на зуб не попадал.

— Ну и холодина! — не переставал ворчать Шимен-Бер и, чтобы согреться, похлопывал себя своими большими ватными крыльями. При каждом похлопывании он оглядывался назад, в сторону шинка «У праведника Ноя».

Я сразу понял, что сейчас самое время предложить ему бутылку «Праведного марочного», которую дал мне с собой мой друг Писунчик.

— Реб Шимен-Бер, — окликнул я его и сам испугался своей смелости. — Реб Шимен-Бер, сейчас бы стаканчик винца не повредил для сугреву? А? Что скажете, реб Шимен-Бер?

При слове «винцо» ангел Шимен-Бер так хлопнул своими толстыми, ватными крыльями, что вспугнул пару синих райских ласточек, которые собирались петь хвалу Создателю.

— Винца, ой, стаканчик винца! — вскричал он таким голосом, что десять райских зайцев упали от страха в обморок и две львицы окотились до срока.

Я вынул из-под правого крыла бутылку «Праведного марочного» и показал Шимен-Беру. От радости он перекувырнулся в воздухе. На какое-то мгновение мне показалось, что он сошел с ума.

Я испугался: мне совсем не хотелось иметь дело с сумасшедшим ангелом. До сих пор меня бросает в дрожь, когда я вспоминаю о молодой ангелице Переле, которая сошла с ума от несчастной любви. Ой, что она вытворяла! Чуть весь рай вверх дном не перевернула.

Короче говоря, когда Шимен-Бер увидел у меня в руке бутылку, он подлетел ко мне, выхватил ее, вырвал зубами пробку и припал к горлышку. А «Праведное марочное», следует вам знать, вино очень тяжелое. Каждая капля весит два с половиной фунта.

— Знаешь что, Шмуэл-Аба, — сказал он мне, — надо садиться! До границы добраться всегда успеем.

Он достал свои латунные часы, взглянул на красный циферблат, и мы приземлились на райскую пашню.

После того как ангел Шимен-Бер вылакал всю бутылку, он стал таким веселым, что ущипнул меня за щеку и пробубнил:

— А ты, Шмуэл-Аба, парень что надо.

Мы полетели дальше, в полете прочитали шахрис и ровно в пять вечера были на границе.

У самой пограничной полосы Шимен-Бер сказал мне, что я должен встать на одну ногу и пересказать ему всю Тору, которую выучил⁸.

Я сделал, как он велел. Когда я закончил, он вынул большие ножницы и обрезал мне крылья.

— А теперь, приятель, подставляй нюни, я дам тебе щелчка...

Пока Шимен-Бер обрезал мне крылья, я приклеил глиняный нос. Шимен-Бер был так накачан «Праведным марочным», что ничего не заметил.

— Реб Шимен-Бер, — умолял я, — только не сильно, реб Шимен-Бер!

Я все-таки ему понравился, потому что щелкнул он меня так легко, что я едва почувствовал.

— А теперь пошел вон !

Последний раз посмотрел я назад и увидел всю панораму рая, тонувшую в золотом сиянии. Последний раз посмотрел на крылья, лежавшие у моих ног.

— Будьте здоровы, реб Шимен-Бер! — сказал я ангелу с ватными крыльями и — вниз, на землю.

<...>

III. Моя первая суббота на земле

<...>

Вспоминается мне один исход субботы в раю. Праотцы, как обычно, прогуливались по аллее Царя Небесного и о чем-то возбужденно говорили между собой. Мне было очень любопытно, о чем они говорят. Быть может, они говорят о святой Торе, подумал я, это, наверное, стоит послушать.

Я сказал моему другу Писунчику, который шел рядом:

— Знаешь что, Писунчик? Давай подслушаем, о чем говорят святые праотцы.

Писунчик сразу же загорелся. Его умные черные глаза заблестели:

— Пойдем, Шмуэл-Аба, подслушаем!

Мы взяли за руки и потихоньку пошли за святыми праотцами. Они были так поглощены своим разговором, что нас не заметили.

⁸ ...я должен встать на одну ногу и пересказать ему всю Тору, которую выучил. — Аллюзия на известную талмудическую притчу. Один язычник, желая принять иудаизм, обратился к рабби Гилелю (крупнейшему законоучителю, жившему в I в. до н. э.) с просьбой передать ему сущность Торы в нескольких словах, «пока он <язычник> может стоять на одной ноге». Гилель сказал ему: «Что тебе ненавистно, того не делай ближнему, вот сущность всей Торы; остальное только комментарий. Иди изучай!»

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

— Послушай меня, — говорил праотец Исаак праотцу Иакову, — разведись ты с обеими наложницами, и будет у тебя мир в семье. Ты же видишь, Рохл и Лея не могут с ними ужиться. Ведь эта бабья война — просто стыд и позор на весь рай.

Праотец Авраам, шедший справа от праотца Иакова, кивал головой в знак того, что праотец Исаак прав.

— Не годится так, Янкев. Слышишь, что тебе говорят? Возьми и выгони наложниц.

— Дедушка, — возмущался праотец Иаков, — не могу я этого сделать. Прожить с ними жизнь на земле, с трудом добиться того, чтобы их пустили в рай, и все для того, чтобы теперь выгнать их из дома. Где же справедливость, дедушка?

— Справедливость-шмаведливость, — махнул рукой праотец Авраам, — ты делай то, что тебе отец и дед говорят. Они тебе добра желают.

— Повторить историю с Агарью?.. — разозлился праотец Иаков. — Не хочу я этого делать и не буду. Пусть бабы хоть глаза друг дружке выцарапают.

Услышав, что праотец Иаков сказал про служанку Агарь, праотец Авраам, похоже, рассердился. Он побагровел как свекла и заорал:

— Да как ты разговариваешь с дедом, наглец?! — и отвесил праотцу Иакову звонкую оплеуху.

Я очень испугался, схватил Писунчика за руку и попросил:

— Писунчик, давай убежим. Ненавижу, когда дерутся. Я думал услышать слово Торы, а тут на тебе! Еще и оплеуха.

Писунчик улыбнулся:

— Как скажешь, Шмуэл-Аба, так и сделаем. Я ради тебя готов на все.

— Тогда давай пойдем к райскому дереву и послушаем канареек.

— Хорошо, пошли!

По дороге к канарейкам я спросил моего друга:

— А праотец Иаков прогонит их?

— Кто знает, — подмигнул Писунчик, — праотцы ужасные упрямы. Поживем — увидим...

<...>

Даян реб Цодек откашлялся и попросил меня сказать, каковы приблизительно размеры рая. То есть, добавил он, ему интересно, какова площадь рая.

Я ответил, что рай, не сглазить бы, достаточно велик. В нем четыреста тысяч квадратных миль. На востоке он граничит с турецким раем, на западе — с православным. На юге он отделен двумя тысячами облачных завес от земли, а на севере огненным морем — от ада.

- У-ва! У-ва! — произнес даян и схватился за голову.
- Диво дивное! — произнес раввин и схватился за бороду.
- Зондербар!⁹ — произнес богач и схватился за золотые часы.

— Населен рай, — продолжал я, — по большей части ангелами и праведниками. Литваки там встречаются редко¹⁰. Довольно много польских и, уж конечно, галицийских цадигов¹¹. Ангелы и праведники не особенно ладят. Ангелы считают, что в раю слишком много праведников. Тысяча на один квадратный километр. Дышать нечем, жалуются ангелы и поносят праведников последними словами.

Праведники тоже не особенно уживаются друг с другом. Польский цадик для галицийского хуже выкреста. И наоборот. Единственное, в чем согласны польские и галицийские цадики, — нельзя пускать в рай литваков.

Больше всего ангелов раздражает, что праведники слоняются без дела. Праведники не хотят марать рук и относятся к ангелам так, будто те — их слуги с сотворения мира.

Раз на всеангельском собрании дошло до того, что ангел Йойна-Тойб внес предложение обратиться к Всевышнему, чтобы тот ограничил права праведников и ввел квоту на их въезд в рай.

Почти все ангелы встретили это предложение бурными аплодисментами, и оно бы прошло большинством голосов, если бы праведникам не повезло. В последний момент за них вступился белокурый мистик ангел Разиэль¹².

Он поднялся и стал держать речь. Никто не понял, о чем он говорил. Его язык вообще довольно сложно понять. Только в одном месте показалось, что ангел Разиэль за праведников и против предложения ангела Иойны-Тойба: в какой-то момент он даже назвал Йойну-Тойба «позором Израиля» и «Аманом».

Поднялся шум. Ангел Разиэль пользуется в раю большим уважением. И хотя никто не понял, о чем он говорил, многие задумались, а вдруг в его речи на самом деле скрыта некая мудрость. Одни были за предложение ангела Иойны-Тойба. Другие — на стороне ангела Разиэла. Дошло до рукоприкладства. Наконец порешили: праведники и дальше будут заправлять всем в раю. Они там хозяйничают, как у отца

⁹ Странно! (нем.)

¹⁰ Литваки там встречаются редко. — Литваки — евреи из Литвы и Белоруссии. Так как Литва была оплотом миснагидов (противников хасидизма), то слово «литвак» было также синонимом термина «миснагид». Понятно, что в «юго-западном», по преимуществу хасидском раю, описанном Мангером, литваки «встречаются редко».

¹¹ ...много польских и, уж конечно, галицийских цадигов. — В Польше (под которой здесь по традиции понимается территория Царства Польского) и Галиции хасидизм имел большое влияние. Там находились «дворы» (резиденции) многочисленных хасидских цадигов.

¹² Белокурый мистик ангел Разиэль. — «Книга Разиэля» — средневековое мистическое сочинение, посвященное ангелологии, астрологии, составлению амулетов и т. п. Якобы ее содержание впервые было сообщено Адаму ангелом Разиэлем, чье имя буквально означает «Тайна Божья». Скорее всего, «Книга Разиэля» была составлена в Германии в XIII в., и не исключено, что именно поэтому ангел Разиэль — белокурый.

в винограднике, а чуть попросишь их о чем-нибудь, отвечают известным стихом из «Песни Песней»: «Лобзай меня в...»¹³

— С тех пор на всех собраниях ангелы выступают двумя партиями, — рассказывал я дальше. — Одна называется ДОП (то есть «Долой праведников!»). Другая — ДАП (то есть «Да здравствуют праведники!»)

Я обрисовал моим слушателям методы борьбы одной партии против другой. Рассказал о памфлетах, которыми перестреливаются партии, об их взаимных происках и нападках.

<...>

IV. Мой друг Писунчик

<...>

Бульвар Ильи-пророка очень красив. Там живут все сливки райского общества. Самый богатый дом принадлежит цадику из Садагуры¹⁴. Он живет на широкую ногу, как привык жить на земле. Кстати, на этом же бульваре блудница Раав¹⁵ открыла салон, где самые богатые ангелицы делают себе маникюр. Между прочим, в раю она стала очень благочестива. Раав читает много душеспасительных книг¹⁶ и знает их почти наизусть. Что касается маникюра, она не очень любит это дело, но жить-то надо. В раю уже почти забыли, что когда-то Раав была блудницей.

<...>

Мы полетели к Писунчику домой. Папа Писунчика, портняжка Шлойме-Залмен, ангел с большим кадыком и телячьими глазами, жил недалеко от райского луга, на котором пасся Шорабор.

Шорабор — это большой, жирный бык. Сколько он весит, никто не знает. Нет таких весов в раю, которые могли бы выдержать его тяжесть. На правом боку у Шорабора большое коричневое пятно, которое напоминает карту рая.

¹³ ...отвечают известным стихом из «Песни Песней»: «Лобзай меня в...» — Эта оборванная цитата из начального стиха «Песни Песней» (П.П., 1:1) — распространенное ругательство.

¹⁴ Цадик из Садагуры. — Исроэл бен Шолом-Шахна из Ружина (1796–1850), основатель влиятельной Садагурской династии. Сначала его двор находился в местечке Ружин, Киевской губернии, а затем, после преследований со стороны российских властей, он переехал в австрийскую Буковину, в местечко Садагура (в настоящее время Садгора, пригород Черновцов). Славился пышностью своего двора, огромным дворцом и роскошным образом жизни.

¹⁵ ...блудница Раав... очень благочестива. — Согласно позднейшим легендам, блудница Раав, помогшая евреям захватить Иерихон, впоследствии обратилась в иудаизм и даже вышла замуж за предводителя еврейского народа Иисуса Навина.

¹⁶ Душеспасительные книги — книги религиозно-нравственного содержания на идише, традиционное чтение набожных евреев.

Войдя в дом к портняжке Шлойме-Залмену, мы увидели архангела Гавриила. Он стоял перед большим зеркалом. Шлойме-Залмен примерял архангелу Гавриилу крылья, которые тот отдал в починку.

Архангел Гавриил — высокий, плотный ангел, очень богатый, но очень скупой. За всю жизнь он ни разу не заказал себе новых крыльев, предпочитая перелицовывать старые.

— Вот тут справа немного жмет, — говорил архангел Гавриил. — Вот тут, Шлойме-Залмен.

Портняжка Шлойме-Залмен отметил мелком и отмерил сантиметром. Он все время подпрыгивал и уверял:

— Все будет как раз, реб Гавриил, все будет как раз. Положитесь на Шлойме-Залмена.

Но архангел Гавриил не любил ни на кого полагаться. Он все поводил плечами и находил недочеты то тут, то там. Это особенно огорчало Шлойме-Залмена.

Битый час архангел Гавриил мучил бедного портняжку. Потом ушел. В дверях он остановился и сказал:

— Помни, Шлойме-Залмен, крылья нужны мне к Пасхе¹⁷, помни!

Как только архангел Гавриил ушел, папа Писунчика стал совсем другим. Он стал пританцовывать, напевая:

Что мы будем есть на праздничке?¹⁸

Шорабора с Левиафаном,

Шорабора с Левиафаном

Будем есть мы на праздничке.

За швейной машинкой сидел подмастерье ангел Сёмка. Он пристрачивал канты на крылья и ворчал себе под нос.

У гладильного стола стоял подмастерье ангел Берл. Высокий, худой, с маленькими, но блестящими глазами. Он все время пробовал пальцем, горяч ли утюг, и продолжал гладить.

Раньше подмастерья Сёмка и Берл были не разлей вода, точно одно тело и одна душа. Но с тех пор как оба влюбились в ангелицу Рейзл, дочь райского лавочника Исроэл-Мойше, они были на ножах и все время изводили друг друга. Просто до печенок доставали.

Ангелица Рейзл, юная и прекрасная, очень над ними потешалась. То с одним кокетничала, то с другим. В какой-то момент бывшие друзья даже подрались. Запустили друг в друга утюгами и потом несколько недель ходили на работу с перевязанными головами.

¹⁷ ...крылья нужны мне к Пасхе... — К Пасхе полагалось покупать обновы.

¹⁸ Что мы будем есть на праздничке? — Популярная народная песня, посвященная Мессианской трапезе.

Ангел Сёмка даже пытался покончить с собой. Повесился на собственных подтяжках. Забыл, что ангел в раю не может погибнуть. Проболтавшись в воздухе целые сутки, ангел Сёмка снял подтяжки с шеи и стал проклинать рай, подмастерье Берла и... он хотел проклясть дочь райского лавочника, причину всех своих страданий, но сердце не позволило.

<...>

V.

<...>

Я услышал хлопанье крыльев. Поднял глаза и увидел, как вдали блестят огоньки. Много-много огоньков. Огоньки подлетали все ближе и ближе. Хлопанье крыльев становилось все сильнее и чаще.

Я удивился. Такого хлопанья мне до сих пор слышать не приходилось. Кто это может быть? — подумал я и стал всматриваться.

Я увидел ангела с большими черными крыльями. У ангела была тысяча красных глаз, которые грозно мерцали в светлой лунной ночи. В руке ангел с черными крыльями держал меч¹⁹.

— Это Ангел Смерти, — подумал я, — он, наверное, сейчас летит на землю. Здесь, в раю, его никто не боится, но там, на земле, перед ним трепещут. Чуть слышат шум его крыльев, сразу приходят в ужас. Мужчины бегут в синагогу читать псалмы, а женщины — на кладбище, будить покойников²⁰. Но, говорят, это не помогает. Ангел Смерти заберет того, кого должен забрать. Не поможет ни плач, ни молитва.

Ангел с черными крыльями подлетал все ближе и ближе. На лету он размахивал большим мечом: подавал знак, что летит с очень-очень серьезным заданием.

С неба сорвалась звезда. Она полетела навстречу ангелу с черными крыльями и остановила его.

— Куда летишь, Ангел Смерти? — спросила звезда и задрожала.

Я не понял — от страха или от жалости.

— Я лечу, — ответил ей ангел с черными крыльями, — я лечу на землю. Я должен забрать душу одной девушки и принести ее Богу.

<...>

¹⁹ В руке ангел с черными крыльями держал меч. — Традиционное изображение Ангела Смерти. Считается, что свою жертву он убивает мечом.

²⁰ Мужчины бегут в синагогу читать псалмы, а женщины — на кладбище, будить покойников. — На кладбище просят умерших родственников, чтобы они были заступниками за больного перед Богом.

VII. В имении царя Давида

<...>

Я вспомнил тот разговор праотцев и покраснел от стыда.

— Ну а царь Давид? — спросил я. — Чем занимается царь Давид?

— Чтобы так все ангелы жили: он живет в раю, как Бог во Франции²¹. Целыми днями болтается без дела. Или играет на арфе, или любитя с Ависагой, а когда ему это надоедает, пристаёт к красивым дочкам бедных ангелов.

— Он все еще не забыл свои старые штучки?

— Нет, наоборот. В раю царь Давид только ими и занят!

<...>

— Это дворец царя Давида, — сказал мой друг Писунчик. — Во дворце больше ста покоев. Тут-то царь и живет со своими женами и наложницами.

— Красивый дворец, — подивился я. — Хотелось бы взглянуть, что там внутри делается.

— Боже упаси! — вскрикнул Писунчик. — Едва ты переступишь порог дворца, тебя сразу же схватят евнухи и сделают из тебя пажу.

— Разве быть пажом у царя Давида так плохо, Писунчик?

— Врагу не пожелаешь, Шмуэл-Аба. Ты сам не знаешь, что говоришь. Делать тебе больше нечего, как целыми днями носить мантию за царем Давидом или чесать ему пятки.

Я передернул крыльями.

Я представил себе пару потных ног с большими мозолями на пальцах. Я чешу эти ноги. Воняет потом, а царь гневается и кричит на меня:

— Сильнее, сильнее чеши, Шмуэл-Аба! Не паж ты, а болван глиняный!

Бррр... Меня снова передернуло.

Мы услышали звуки арфы. Писунчик наострил уши.

— Слышишь, Шмуэл-Аба?

— Слышу, Писунчик!

— Царь Давид играет на арфе. Полетели, только тихо, на кончиках крыльев, чтобы он нас не услышал.

²¹ ...царь Давид... живет в раю, как Бог во Франции. — «Как Бог во Франции» — немецкое идиоматическое выражение, соответствующее русскому «как у Христа за пазухой». Шутка о том, что в раю «живут как Бог во Франции», восходит, похоже, к прозе Гейне. «Как живут в раю, вы, madame, можете представить себе без труда, тем более что вы замужем. Там жуируют власть и имеют немало плезира, там живут легко и привольно, ну точно как Бог во Франции» («Идеи», 1826 г., пер. Н. Касаткиной).

Мы полетели на звуки арфы. Под тенистым дубом сидел царь Давид. Он играл. Рядом с ним сидела девушка с черными косами. У нее была родинка на левой щеке.

Мы с моим другом опустились недалеко от парочки. Я разглядел царя. Он был среднего роста, коренастый, с острыми зелеными глазами. Подстриженная рыжеватая борода.

— Это тот, кто сложил псалмы? — спросил я шепотом у моего друга.

— Тсс... — Писунчик приложил палец к губам. Я понял, что сейчас лучше молчать и слушать.

Должен признаться, что царь Давид играл очень хорошо. Пока он играл, девушка, сидевшая рядом с ним, становилась все прекраснее и прекраснее.

Когда царь Давид закончил играть, я увидел, как над его головой семь раз прокружил орел. Из-за деревьев сада раздались тысячи голосов:

— Да здравствует Давид, царь над Израилем!

Царь улыбнулся. Похоже, ему это нравилось. Девушка, сидевшая рядом с ним, поднялась.

— Что ты так торопишься, Суламифь? Подожди немного, — сказал царь и взял ее за руку.

— Я должна идти, свекор. Соломон скоро начнет искать меня в винограднике. Вы же знаете, как только я немного задерживаюсь, он начинает меня искать. Он уже, наверное, десять раз пропел Песнь Песней от начала до конца.

Но царь Давид не отпускал ее. Он потянул ее поближе к себе под тенистое дерево и крепко обнял.

— Шулечка... голубонька... кисонька.

Суламифь вырывалась из его рук. Ее волосы растрепались, лицо вспыхнуло.

— Оставьте меня в покое, свекор! — горячо дышала она. — Это грех, вы грешите против своих псалмов.

— Если ты захочешь, кисонька, — горячо шептал царь Давид, — если ты захочешь, я сочиню в твою честь еще более прекрасные псалмы и Песнь Песней, еще прекраснее, чем у Соломона...

Мы услышали поцелуй. Второй. Третий. Суламифь умоляла, вырывалась из его рук:

— Пустите меня, прошу вас, пустите, свекор! Соломон узнает, будет скандал.

— Ни фига он не узнает, кисонька, ни черта он не узнает, голубонька...

— Птицы ему расскажут, свекор. Соломон знает язык птиц.

— Птицы моего имени, — сопел царь Давид, — ничего ему не расскажут. Птицы моего имени на моей стороне.

Мы снова слышали поцелуй. Второй. Третий. Кто знает, до чего бы дошло дело, если бы царь Давид не услышал голос Вирсавии.

— Давид, где ты, Давид?

Суламифь вскочила, поправила волосы и умчалась, как серна, пылающая, разгоряченная. Царь Давид поднялся, взял арфу и пошел в сторону мраморного дворца. Мы смотрели ему вслед до тех пор, пока он не исчез среди деревьев.

С поля до нас доносилась песня работавших там ангелов. Пахло изюмом и миндалем²², потом и псалмами.

Я посмотрел на моего друга, мой друг посмотрел на меня, и мы поняли друг друга.

— Если бы Вирсавия знала, что здесь случилось... — начал я.

— Вирсавия уже свыклась с этим несчастьем. Но если бы узнала Ависага, даже не спрашивай, что было бы.

— Ну а царь Соломон, если бы он узнал, он бы смолчал?

— Он от злости изорвал бы всю Песнь Песней.

— Было бы лучше, чтобы он ничего не узнал, все-таки жаль Песнь Песней.

Писунчик махнул рукой:

— Мне-то что? Пусть они хоть головы друг другу поотрывают.

<...>

VII. Ночь в имени царя Давида

<...>

— Тсс... — он приложил палец к губам, — тсс... идут.

— Кто? Кто, Лейбеле?

— Адам и Ева.

Мы увидели, как две фигуры подошли к Древу познания. Одна во фраке и цилиндре. Другая в кринолине и шляпке с длинным страусиным пером.

— Вот здесь, — показал господин в цилиндре, — вот здесь, вот здесь, на этом самом месте, Эва, дала ты мне отвесть от яблока проклятого²³.

Дама в кринолине вздохнула. Она прижала руку к сердцу. Я видел слезы в ее глазах.

²² *Пахло изюмом и миндалем...* — «Изюм с миндалем» — припев известной еврейской народной песни. Символ традиционного еврейства, постепенно приобретший слащавый привкус, как, допустим, березка в качестве символа России.

²³ *...Эва, дала ты мне отвесть от яблока проклятого.* — Адам и Ева говорят на сильно «онемеченном» идише, который был принят в еврейском театре эпохи Просвещения. Свою жену Адам называет не Хавой, а на немецкий лад — Эвой.

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

- Да, это здесь, Адам. Змея проклятая меня уговорила.
- Из-за тебя лишились мы блаженства, Эва, лишились раю.
- Ах, как прекрасно жили мы в том раю, но, проклятая...
- Верно, верно, Эва, — Адам показал пальцем на свою жену, — ты, проклятая!
- Имела я в виду змею, Адам, а ты, ты кажешь пальцем на меня.
- И я имел в виду змею, о Эва, и... пальцем на тебя кажу.

Они начали браниться, называть друг друга последними словами. Ева вцепилась Адаму в волосы. Ей бы тоже не сладко пришлось, если бы не чудо. С Древа познания сорвалось яблоко, стукнуло Адама по цилиндру и упало в траву.

— Не тронь его, о Эва! — вскрикнул Адам. — Не тронь, тебя я заклинаю!

— Да что ты, Боже упаси! — Ева всплеснула руками. — Мне яблоко теперь и в горло не полезет!

Они уселись под деревом. Стали наперебой рассказывать друг другу о прекрасных днях до грехопадения. Ева уставилась перед собой:

— Ах, мой Адам, как хорошо нам было! Тех дней уж не вернешь.

— Мы были наги, счастливы, не ведали стыда, — вздохнул Адам.

— Быть может, сбросить нам, Адам, одежды и снова быть нагими, счастливыми, стыда не ведать?

Они вскочили и начали срывать с себя одежды. Звезды на небе стали цинично перемигиваться.

— Не в силах я, Адам. Моя одежда к телу приросла, — вздыхала Ева.

— Как и моя, — понурил голову Адам.

Некоторое время они стояли поникнув головами. Две растерянные фигуры в сиянии райской луны.

— Давай покаемся, — пробормотал Адам, — быть может, Он простит нас.

Они подняли лица к звездам. Господин в цилиндре и дама в кринолине. Они стали бить себя кулаками в грудь. Стали набожно шептать одними губами, молить о прощении, которое позволит им вернуться в рай.

Ветер, который все это время щекотал листья Древа познания, вдруг спрыгнул с дерева. Адам и Ева испугались, схватили ноги в руки и убежали.

В спешке Ева забыла свой ридикюль. Мы открыли его и нашли там зеркальце, пудреницу и любовную записку, заканчивающуюся словами «Любящий тебя Макс».

Мы решили подарить этот ридикюль сестре Писунчика Этл, невесте с розовыми крыльями. Он ей пригодится.

— Видели, братцы, — позвал нас Лейбеле, — видели, как они каялись? Каждую ночь приходят они на то место, где согрешили. Они прокрадываются в рай, перелезают через забор и при малейшем шорохе убегают, совсем как райские зайцы.

— Как же они пробираются сюда? Ангелы день и ночь сторожат ворота рая!

— Ангел всего лишь ангел, — объяснил Лейбеле. — И, кроме того, караул сменяют редко, раз в три года. Как только увидит изгнанная парочка, что ангел задремал, сразу же лезут через забор.

— Их так никогда и не простят? — спросил я.

— Пока нет. Поговаривают, что, когда придет Мессия, будет большая амнистия, а пока они крутятся у ворот рая.

<...>

На скамейке перед бедной хатой сидели две молодые ангелицы, одна держала в руке письмо.

— Прочти, прочти письмо, Песл, — просила другая ангелица, — хочу послушать, что твой Фроим пишет.

Песл развернула письмо и при свете звезд стала читать. Мы слышали, как дрожал ее голос.

— «Дорогая моя Песл, — читала она, — спешу сообщить, что через три дня наш полк будет на границе с турецким раем. Служба у нас нелегкая. Мы должны следить, чтобы к нам больше не завозили контрабандой турецкий табак. Наш командир, обер-ангел Шимшон²⁴, сказал нам, что из-за того, что в еврейский рай контрабандой провезли целый мешок турецкого табаку, стали меньше курить нашей махорки, и райская монополия терпит от этого большие убытки. Кто поймает такого контрабандиста, может переломать ему крылья. Мы лежим в засаде день и ночь, но пока никого не поймали. Ясное дело, контрабандисты поняли, что Седьмой ангельский полк еврейского рая шутить не будет, и берегут свои крылья. Сколько мы проторчим на границе, не знаю. Знаю только, что жду не дождусь, когда меня отпустят домой. Еще год и два месяца. Как только вернусь, сыграем свадьбу. А до этой счастливой минуты целую тебя много-много раз. Твой Фроим».

<...>

²⁴ Наш командир, обер-ангел Шимшон... — То есть Самсон, подходящее имя для военачальника.

VIII. Полночь в имени царя Давида

<...>

Вдруг стало тихо. Ветер где-то спрятался. На балконе появилась Вирсавия в дырявой ночной рубашке. Ее глаза были красны от слез. Кажется, она совсем не спала.

Какое-то время она прислушивалась к тишине, а когда увидела, что все во дворце уснуло, стала потихоньку спускаться по мраморной лестнице.

Босая, в дырявой ночной рубашке, стояла она на пустой площади перед дворцом. Я ее хорошо разглядел. Старая и некрасивая, лицо морщинистое. Даже ветер, уж на что непривередлив, и тот не хотел играть с ее рубашкой.

— Настоящая ведьма, — тихо сказал я.

— Кода-то она была юной и прекрасной, — заметил ангел Лейбеле, — теперь она стара. Зато все душеспасительные книги знает наизусть.

— Ага, — отозвался Писунчик, — ага, понятно, она встала, чтобы прочесть полуночную молитву.

— Дело не в этом, — сказал Лейбеле, — она, конечно, благочестива, но понимаешь, баба остается бабой. Как пронюхает, что Ависага у царя, так не может уснуть. Она очень любит царя Давида и поэтому ненавидит Ависагу. Готова ее в ложке воды утопить.

— Ага, понятно! — сказал я, все еще не понимая, зачем она, Вирсавия то есть, поднялась ровно к полуночной молитве и босая, в ночной рубашке, стоит посреди пустой площади.

— Ей от этого легче? — спросил я Лейбеле-пастуха.

— Она, наверное, сегодня договорилась встретиться со знахаркой. Когда бедная Вирсавия видит, что ее набожность уступает красоте Ависаги, она просит знахарку дать ей снадобье, чтобы отвоевать сердце своего возлюбленного царя.

— И знахаркины снадобья ей как-нибудь помогают? — спросил Писунчик, не сводя глаз с толстой бабы в ночной рубашке.

— Как мертвому припарки, — прошептал Лейбеле, — но она не сдается. Она все еще верит, что знахарка найдет для нее такие зелья, которые ей помогут.

Вирсавия стояла как вкопанная, даже не моргала. Вдруг она вздрогнула. Мы услышали, как она шепотом зовет:

— Гнендл! Гнендл, где ты?

Никто не отозвался.

Вирсавия занервничала, сделала несколько шагов и позвала громче:

— Гнендл, где ты, черт побери?

— Тут я, госпожа, тут я, тут.

Мы увидели хромую старуху в турецкой шали. Хромая знахарка приблизилась к Вирсавии.

— Я чуть не простыла, Гнендл. Где ты была?

<...>

— Я заплакала перед ним, Гнендл, душа моя, и сказала, что из-за него мой Урия, светлого ему рая, покинул этот мир. Чего мне с ним не хватало? Разве что птичьего молока. Ничего, кроме «кисонька моя», от него и не слышала. И все это забыла я ради тебя, Давид, — сказала я ему — и так ты платишь мне в старости?

— Ну, ну, — нетерпелось знахарке, — что же он ответил?

— Что ответил, спрашиваешь? Лучше не спрашивай, Гнендл. Он погладил меня по парикам и сказал: «Вирсавия, если бы ты была такой же юной и прекрасной, как когда-то, я бы снова избавился от твоего мужа. Но теперь, когда ты, не взглянув бы, стара, я бы отдал все свое состояние, чтобы Урия снова был жив. Я бы вас обоих повел под хупу и дал бы вам свое благословение».

Вирсавия расплакалась. Старая знахарка успокаивала ее, гладила по руке и утешала:

— Не плачь, Вирсавия. Все еще образуется. Вот увидишь, все образуется, а эта девка Ависага сгинет.

Старуха вынула колоду карт. Разложила карты на земле и долго-долго в них всматривалась.

— Она раскинула карты, эта старая знахарка, видишь, Писунчик? — окликнул я своего друга.

— Теперь, при свете звезд, Вирсавия красивее, чем раньше, — как будто сам себе сказал Писунчик.

— Это не в первый и не в последний раз, — объяснил нам Лейбеле-пастух, — каждый четверг приходит она, эта Гнендл-знахарка, и раскидывает карты под звездами.

— И Вирсавия верит в это? — спросил я.

— Верит, и эта вера возвращает ей на какое-то время красоту. Жаль, что царь Давид этого не видит. Она бы вновь обрела милость в его глазах, — сказал Лейбеле.

Знахарка встала, семь раз протанцевала вокруг карт, которые были разложены на земле. Вирсавия сидела будто высеченная из камня.

Знахарка подняла голову к звездам. Ее седые патлы растрепались. Она вытянула руку и стала произносить заклинание:

— Прилетайте, ястребы мои, все семеро, с райских гор. Ваша тетя Гнендл зовет вас. Ваша тетя Гнендл заклинает вас. Внемлите зову, ястребы мои, сон отрясите с крыльев. Тетя Гнендл вас ждет, у тети Гнендл есть для вас поручение. Вы, клюющие своими клювами золотые звезды, прилетайте, раз-два! Считаю до тринадцати.

Несколько раз повторила она заклинанье.

<...>

— Иди, Савочка, иди, доченька, иди приляг, отдохни, — гладила ей парик старая знахарка. — Иди, а то еще, не дай Бог, простынешь в одной-то рубашке. Все образуется, доченька. В четверг, ты слышала, мои ястребы принесут цветы, ты соберешь с них росу и дашь ее выпить царю Давиду. Скоро ты свое возьмешь, Вирсавия, скоро ты свое возьмешь, дочка.

<...>

IX. Ужасное происшествие с Шорабором

<...>

На лужайке пасся Шорабор. Три босоногих пастуха, сторожившие его, играли в дурака.

— Шорабор, — сказал я моему другу, — жиреет день ото дня. К приходу Мессии он так разжиреет, что его и с места не сдвинешь.

Писунчик промолчал. Мы увидели ангелицу Хасю, которая прогуливалась по райскому лугу. Она была на девятом месяце и каждый вечер выходила на райский луг подышать свежим воздухом.

— Писунчик, зачем она нацепила красный фартук? — спросил я моего друга. — Если Шорабор увидит красное, может, не дай Бог, случиться беда.

— Угу, — сказал Писунчик, и мы замахали руками, подавая беременной ангелице знаки, чтобы она уходила, пока не поздно.

Но ангелица Хася, казалось, не понимала наших знаков. Она шла дальше, приближаясь к тому месту, где пасся Шорабор.

Шорабор заметил красный фартук, и глаза его вспыхнули. Мы подумали, что он вот-вот кинется на ангелицу.

Но мы ошиблись. Красный фартук и вправду не понравился Шорабору. Но, к великому нашему удивлению, он сдержался. Решил, наверное, что он все-таки не какой-нибудь там бык, а Шорабор и ему не пристало, как простой скотине, беситься из-за красной тряпки.

Меня поразила его выдержка. Шорабор продолжал щипать траву и даже не взглянул на глупую ангелицу в красном фартуке.

Но чему быть, того не миновать. Ангелица Хася не отличалась особой сообразительностью. Мозгов у нее было еще меньше, чем у Шорабора. Хася подошла ближе, встала в двух шагах от Шорабора и стала смотреть, как он смачно жует. Так она простояла некоторое время с выпученными глазами, дивясь его аппетиту.

Три босоногих пастуха спорили за картами. Один говорил так, другой — эдак, а третий — ни так и ни эдак.

Они были так поглощены своим спором, что не заметили, как беременная ангелица подошла к Шорабору и погладила его по холке.

«Пусть, — думал Шорабор, — пусть гладит, сколько ее душе угодно. Если бы она еще сняла красный фартук, было бы совсем хорошо».

Но, как говорит мама Писунчика, ангелица Хана-Двойра, бойся быка спереди, коня сзади, а дурака со всех сторон. Беременная ангелица не понимала, что выдержке Шорабора есть предел. Она гладила его, гладила и вдруг наклонилась к нему и шепнула прямо в ухо:

— Мессия идет!

Шорабор вздрогнул всей своей грузной тушей. Мессия идет! Это значит, что его, Шорабора, вот-вот зарежут, тушу разделают на кусочки, кусочки зажарят и праведники будут макать булку в подливку, жрать его мясо да причмокивать:

— Ай, ай, ай... райский вкус!

Шорабор разъярился. Мессия идет! Опасность близка, нужно бежать, спастись, спастись от резницкого ножа.

Шорабор (бык все-таки) не знал, что беременная Хася пошутила. До прихода Мессии ему еще пастись и пастись на райском лугу... Он разом пригнул голову, подхватил беременную ангелицу на рога и бросился бежать куда глаза глядят.

Мы с Писунчиком закричали. Мы орал не своим голосом:

— Шорабор удирает, Шорабор удирает!

Три пастуха вскочили, схватили дудочки и бросились в погоню за убегающим быком. Ангелица Хася трепыхалась у него на рогах и так вопила, что всех подняла на ноги. Все спрашивали друг у друга:

— Что случилось, а? Что случилось?

— Шорабор поднял брюхатую Хасю на рога и удрал вместе с ней.

— Надо его догнать!

— Надо его поймать и вернуть!

— Черт с ней, с ангелицей, главное — Шорабор! Что праведникам делать без Шорабора, когда придет Мессия?

Началась настоящая погоня. Все, кто мог летать, и стар и млад, поднялись в воздух.

Но разъяренный Шорабор несся как тысяча чертей. Перед его глазами, наверное, сверкал резницкий нож, которым его зарежут. Он бежал от «великой трапезы», которую Мессия приготовит для праведников из его мяса.

Беременная ангелица трепыхалась у него на рогах. Она махала руками, визжала, теряла сознание, приходила в себя и снова визжала.

Мы гнались за Шорабором. Впереди летели три пастуха, а за ними ангелы всей толпой. Единственными детьми среди летевших были мы, я и мой друг Писунчик.

Некоторые отстали. Они останавливались, сопели, вытирали пот под крыльями и поворачивали домой.

— Да он железный, этот Шорабор.

<...>

— Он, наверное, испугается и остановится, — попробовал я успокоить моего друга, но сам не поверил своим словам.

Поди надейся на взбесившегося быка, подумал я. Что для такой скотины граница? Что он знает о разнице между еврейским раем и православным?

Огоньки на границе становились все ближе и ближе. Мы уже видели православную церковь по ту сторону границы. Шорабор с диким упорством несся к пограничной заставе.

У беременной ангелицы, трепыхавшейся на его рогах, уже не было сил кричать. Она совсем охрипла, до нас доносились лишь ее стоны.

Три пастуха, сторожившие Шорабора, были бледнее мела. Что им делать, если Шорабор, не дай Бог, перемахнет через границу? Похоже, так оно и будет. Колокола православной церкви зазвонили: бим-бам, бим-бам.

Шорабор мчал и прыгал так, что с него летела пена. Граница была совсем близко. Уже виднелась православная пограничная стража: ангелы с голубыми глазами и русыми волосами.

Шорабор с беременной ангелицей на рогах перемахнул через границу. Несколько православных ангелов попытались преградить ему дорогу, но он перепрыгнул через них и помчался дальше.

Наши, то есть еврейские, ангелы остановились у границы, дальше преследовать Шорабора они не могли. То есть мочь-то они могли, да православные ангелы не позволили бы.

Мы все опустили на землю, опечаленные и пристыженные. Мы не знали, что делать. Стояли и смотрели в поля, где исчез Шорабор.

— Может, они его поймали? — заметил один ангел.

— А если и да, — ответил ему другой, — нам-то что с того?

— Могут его, не дай Бог, забить без резника²⁵, — бросил третий.

— Жирный он, наш Шорабор, не сглазить бы, слопают они его на праздник.

— Наши праведники останутся с носом. Всю жизнь точить зубы, а теперь на тебе — нету Шорабора.

— Типун тебе на язык, — разозлился ангел Гензл, — что значит: нету Шорабора? Он есть, да еще как есть. Только он там, в православном раю, и нужно его оттуда вызволить.

Гензл стал поглаживать свою жидкую бородку, видать, прикидывал в уме, как бы освободить Шорабора.

— Что же делать, реб Гензл? — спросил низкорослый ангел с густой бородой. — Посоветуйте, реб Гензл.

Ангел Гензл ничего ему не ответил. Он подошел к православным пограничникам и заговорил с ними наполовину по-ихнему, наполовину по-еврейски, а остальное — руками:

— Наши Шорабор, — сказал Гензл, — совершил побег до ваш рай .

— Чаво? — переспросил его Василь-ангел²⁶, командир православной пограничной стражи.

— Наши Шорабор до ваш рай , — повторил Гензл и вдобавок показал руками как кто-то убегает.

Православные стражники рассмеялись. Василь-ангел подкрутил усы и сказал:

— Пшел вон, жид пархатый!

Ангел Гензл задрожал. Мы стояли вокруг него растерянные, с опущенными крыльями.

С полей православного рая донеслось «Ура!» и раскаты смеха. Не иначе, православные ангелы умудрились задержать Шорабора.

<...>

— Знаешь, что я думаю, Шмуэл-Аба?

— Откуда мне знать, что ты думаешь, Писунчик?

²⁵ *Могут его, не дай Бог, забить без резника...* — Только мясо животных и птиц, зарезанных специальным резником (шойхетом), является кошерным, то есть пригодным в пищу согласно еврейскому религиозному закону.

²⁶ *Василь-ангел.* — Еврейские ангелы у Мангера названы еврейским словом «малохим» (ед. число «малах»), а православные — русским «ангелы».

— Я думаю, что у святых праотцев на душе полный мрак... Мне даже любопытно посмотреть на праотца Исаака. Он любит поесть, праотец Исаак. За кусочек мяса он отдаст тебе сам не знаю что²⁷.

— Откуда ты знаешь, Писунчик?

Писунчик удивленно посмотрел на меня:

— Ты что, забыл, Шмуэл-Аба, что мы учили в хедере? В Пятикнижии ясно сказано, что праотец Исаак сильнее любил Исава, потому что Исав всегда приносил ему с охоты кусочек мяса. А во-вторых, Шмуэл-Аба...

Писунчик задумался:

— Во-вторых, я сам видел, как праотец Исаак приходил вечером на райский луг, где пасли Шорабора, и в руке у него был кусочек мела.

— Зачем это ему понадобился мел, Писунчик?

— Этим мелом праотец Исаак нанес разметку на Шорабора. На правый бок, если не ошибаюсь. Оставил знак, что этот кусок мяса принадлежит ему и он его, даст Бог, съест, когда придет Мессия.

— Да ведь праотец Исаак слепой, Писунчик. Как он узнал, где нанести разметку?

— Уж он узнал, не сомневайся, Шмуэл-Аба, — ответил мне Писунчик. — Он вслепую нащупал самый жирный кусок и оставил знак.

<...>

Фигуры приблизились. Мы пригляделись и узнали святых праотцев. Они шли быстро, торопились и одновременно препирались.

Праотец Исаак шел посередине. На нем, как обычно, были черные очки. Он говорил нервно. Скорее кричал, чем говорил:

— А я вам говорю, что без Шорабора рай — не рай. Да где вы слышали о еврейском рае без Шорабора? Что за вкус у великой трапезы без кусочка мяса? Никакого вкуса. Слышите, что я вам говорю, — никакого вкуса.

Праотец Иаков, который шел по левую руку от него, разделял мнение своего папы. Он был согласен, что без Шорабора великая трапеза не будет великой трапезой.

— Везет Исаву²⁸, — с горечью ответил он. — Мы, праведники еврейского рая, должны были пасти Шорабора, а ему, Исаву, все удовольствие. Твоему Исаву, папа. Ты всегда предпочитал его, это отродье. Теперь получай. Он и твой кусок слопает.

²⁷ Он любит поесть, праотец Исаак. За кусочек мяса он отдаст тебе сам не знаю что. — Как известно, в награду за мясную трапезу Исаак вручил сыну (впоследствии выяснилось, что не тому) первородство.

²⁸ Везет Исаву... — Исав традиционно считался у евреев предком римлян и, шире, всех христианских народов. Исав — такое же олицетворение христианского мира, как Измаил — исламского.

— Не называй при мне его имени, — заорал праотец Исаак не своим голосом, — не хочу даже слышать его нечистого имени.

Праотец Авраам дернул Иакова за рукав:

— Зачем ты ссоришься с папой, Янкев? Если папа однажды совершил ошибку, ему что, надо все время напоминать об этом? Папа думал, что Исав станет человеком, он его любил. Если бы папочка знал, что Исав станет гоем, он бы его изничтожил.

Но праотец Иаков стоял на своем. Он возражал, что, даже если бы Исав был «я не знаю чем», папа все равно предпочитал бы его, лишь бы тот приносил ему что-нибудь поесть. Папа, — настаивал праотец Иаков, — любил жратву больше Торы, а теперь у него...

Праотец Исаак покраснел. От гнева на лбу у него вздулись жилы. Он хотел подскочить к Иакову, чтобы как следует вздуть его и наградить оплеухами.

Но праотец Авраам не позволил. Он встал между Исааком и Иаковым, стыдя их:

— Я велел позвать всех на сход в Большую синагогу, чтобы решить, как вернуть Шорабора, а вы ругаетесь да еще и руки распускаете. Тьфу!

<...>

XI. Нас посылают в православный рай

<...>

Праматерь Рахиль стала громко рассказывать, влюбленно глядя на Иакова:

— Встречаю на улице Эсфирь. Разодета как царица. Посреди недели — шелковое платье, золотые кольца на каждом пальце и нитка жемчуга на шее, чтоб так всем наряжаться. Делаю вид, что не замечаю ее, хочу мимо пройти. Терпеть не могу щеголих. А она останавливает меня и так мне и говорит: «Хочу вам сказать, что нам следует поститься²⁹. Если хотим вернуть Шорабора, лучшее средство — пост».

— Права, она права, — сказал праотец Авраам, — нужно объявить пост по всему раю.

Короче говоря, объявили пост и стали поститься. Допостились до того, что праведники уже еле держались на ногах, так ослабели. Но никакой почтовой голубки все еще было не видать.

<...>

²⁹ ...нам следует поститься. — Коллективный пост был широко распространенной практикой для того, чтобы предотвратить какое-либо нависшее над общиной бедствие: эпидемию, новый налог или дурной закон. Характерно, что предложение поститься исходит от Эсфири, которая сама трое суток постилась, прежде чем отважилась идти к царю Артаксерксу.

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

Только на двенадцатый день разнеслась весть о том, что почтовая голубка вернулась. Она принесла весточку из православного рая, и эта весточка — у царя Соломона.

Все очень обрадовались, хоть никто и не знал, что в этой весточке. На улицах целовались со слезами на глазах.

В тот же день царь Соломон созвал сход и прочел перед всеми ответ:

«Достопочтенным и высокородным праведникам еврейского рая.

В ответ на ваше письмо сообщаем следующее: ваш Шорабор пересек границу без паспорта и визы. Согласно законам нашего рая, ему полагается за это шесть месяцев тюрьмы с ежедневной нормой кормежки — полфунта сена. Убытки, им причиненные, он обязан отработать.

Беременную ангелицу, принесенную им на рогах, мы готовы отослать к вам. Ангеленка же, рожденного ею на нашей территории, мы окрестим, и он останется у нас.

Как только Шорабор отбудет свой срок и отработает убытки, мы будем готовы отослать его обратно».

Когда царь Соломон прочел письмо, еврейский рай огласился стенаниями и воплями. Праведники заметались как отравленные мыши, не находя себе места. Они заламывали руки и рыдали, будто о разрушении Храма.

<...>

Только царь Соломон не растерялся. Он внес предложение умаслить праведников православного рая и написал второе письмо. Соломон, мудрый царь, знал, что лезть хорошее средство, чтобы сделать кого угодно мягче и податливее.

Ответ на второе письмо пришел на третий день. Царь Соломон прочел его перед сливками райского общества:

«Высокочитимому царю Соломону, мудрейшему из мудрых.

Доводим до Вашего сведения, что условия Ваши мы принимаем. В счет убытков, причиненных Шорабором, мы готовы принять бриллиант из Вашей короны. Тем не менее Шорабор должен отсидеть свой срок за пересечение границы без паспорта и визы. Закон есть закон. Однако, чтобы Вы убедились в нашей готовности пойти Вам навстречу, мы сокращаем его срок на три месяца. Еврейского ангеленка, рожденного у нас, мы уже окрестили и нарекли Петром. Роженица в вашем распоряжении. Можете забирать ее, когда вам угодно».

— Три месяца на тюремном пайке, конец Шорабору, — завопил праотец Исаак.

— Окрестить еврейского ангелочка, — плача, заломила руки праматерь Сарра, а Ревекка, Рахиль и Лия вторили ей.

— Такое несчастье, такое горе — и все из-за этих бездельников пастухов, — ворчали праведники.

Царь Соломон написал третье письмо. Он согласен с тем, чтобы Шорабор отсидел свой срок, но три месяца слишком много. И, кроме того, на тюремном пайке Шорабор спадет с тела. Поэтому он предлагает православным праведникам пустить к себе двух еврейских пастухов, чтобы те заботились о Шораборе все время, пока он в тюрьме на веревочке. «Мы готовы, — писал царь Соломон в третьем письме, — направить к вам несколько возов сена, чтобы Шорабору было чем подкрепиться. То, что вы окрестили ангелочка, дело решенное. Ждем вашего скорейшего ответа насчет Шорабора».

Почтовая голубка доставила это письмо в православный рай и на третий день вернулась с ответом.

Царь Соломон зачитал праведникам и это письмо. Православные праведники и на этот раз не возражали. Они были согласны на то, чтобы еврейский рай прислал двух ангелов для ухода за Шорабором, покуда он отбывает свой срок. Однако они просили не присылать пастухов, потому что, увидев еврейских пастухов, Шорабор может опять взъяриться. Лучше всего, если праведники еврейского рая пришлют двух маленьких ангелят. Шорабор будет им доверять и не причинит им вреда.

<...>

К вечеру, где-то между минхой и майревом, мы добрались до границы. Во всех церквях звонили колокола. Сумерки, торжественное пение и звон колоколов показались нам странными и чужими. Мы жались друг к другу. Боялись потерять друг друга.

Ангел в синем мундире с двумя крестами на крыльях проверил наши паспорта. Два других ангела, в серых мундирах, обыскали нас, чтобы мы, не дай Бог, не привезли с собой Талмуд — хуже него для православного рая ничего нет.

У нас ничего не нашли. Паспорта были в порядке. Шмон занял больше часа.

Ангел в синем мундире подвел нас к большим железным воротам. Он три раза постучал и попросил впустить его.

С другой стороны послышался голос. Мы сразу поняли, что это старик.

— Кто там стучит? — спросил голос с другой стороны.

— Святой Петр, это я стучу, я, пограничник Федор-ангел. Доставил вам двух жидков из еврейского рая.

Мы услышали как вставляют ключ. Замок заскрежетал, и большие тяжелые ворота отворились.

Перед нами стоял старичок с длинной белой бородой и смеющимися глазами. Голова у него была непокрыта. В правой руке он держал ключ от рая.

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

Он оглядел нас. Крест на его груди был из чистого золота.

<...>

Я подошел к окну и выглянул наружу. Ночной дождь освежил землю. Сладостно благоухала трава. Птицы среди ветвей распевали гимны.

— Как прекрасен Твой мир, Господи, — прошептал я. — Я только не могу понять, зачем тебе понадобилось три рая. Не лучше было бы устроить один рай на всех, без паспортов, без виз и всяких прочих глупостей?

<...>

ЗАМЕТКИ

אשכולות
КУЛЬТУРООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

GENESIS
PHILANTHROPY
GROUP